

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ НАЦИОНАЛЬНО-
МАРКИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ В ПЕРЕВОДАХ С
БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
45.03.01 Филология, профиль Отечественная филология
очной формы обучения, группы 02031406
Ярмак Марии Павловны

Научный руководитель
д.ф.н., профессор
Чумак-Жунь И.И.

БЕЛГОРОД 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	Ошибка! Закладка не определена.
ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ НАЦИОНАЛЬНО-МАРКИРОВАННОЙ И ФОНОВОЙ ЛЕКСИКИ	Ошибка! Закладка не определена.
1.1. Лексика с национально-культурным компонентом ..	Ошибка! Закладка не определена.
1.2. Фоновые знания как часть национальной культурной картины мира	О шибка! Закладка не определена.
1.3. Диалектизмы как вид безэквивалентной лексики	Ошибка! Закладка не определена.
ГЛАВА 2. НАЦИОНАЛЬНО-МАРКИРОВАННАЯ ЛЕКСИКА В ПОЭЗИИ И. ФРАНКО	Ошибка! Закладка не определена.
2.1. Специфика идиостиля И. Франко	Ошибка! Закладка не определена.
2.2. Тематические группы национально-маркированной лексики в поэзии И. Франко	Ошибка! Закладка не определена.
2.3. Способы толкования национально-маркированной лексики ..	Ошибка! Закладка не определена.
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	Ошибка! Закладка не определена.
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	Ошибка! Закладка не определена.

ВВЕДЕНИЕ

Активное изучение национально-маркированной лексики началось в середине XX века. Эта проблема сегодня является предметом научного интереса не только лингвистов, но и представителей таких гуманитарных направлений, как переводоведение, этнография, методика преподавания иностранных языков, этнолингвистика, культурология, лингвострановедение, психоллингвистика и другие.

К концу XX века, в связи с переходом лингвистики на «антропоцентрические рельсы», становится особенно актуальным вопрос о том, насколько словарный запас языка подвержен влиянию национально-культурных особенностей его носителей, каковы различия лексических систем разных языков. В число ученых-лингвистов и теоретиков перевода, занимавшихся этой проблемой, входят В.Г. Костомаров, Е.М. Верещагин, Г.Д. Томахин, Ю.С. Степанов, М.Г. Яшина, В.А. Чащин, С.И. Влахов, С.П. Флорин и другие. Разработки этих ученых и послужили **методологической** базой для данной работы.

Объектом исследования являются тексты лирических произведений Ивана Франко и их переводы.

Предметом изучения послужила национально-маркированная лексика в текстах лирических произведений Ивана Франко и специфические характеристики ее перевода.

Актуальность нашего исследования состоит в том, что творческое наследие И. Франко на данный момент является недостаточно изученным, хотя несет огромное историко-культурное и эстетическое значение не только в контексте украинской, но и мировой литературы и культуры, его произведения переводились на множество языков и неоднократно переиздавались. Впитывая в себя достижения мировой художественной мысли, его творчество, с одной стороны, обогатило культуры других народов, в частности славянских, с другой – стало неотъемлемой частью их духовной жизни. Для нас важно

рассмотреть особенности национально-маркированной лексики в произведениях данного автора, так как это позволит раскрыть специфику его идиостиля и расширить представление о его поэтическом наследии.

Творчество И. Франко неотделимо от судьбы Родины, он стремился выразить надежды социально и национально угнетенного народа, его свободолюбивые устремления. Продолжая и развивая традиции Т. Шевченко, он в новых условиях общественного развития поднял украинскую литературу на новую высоту, открыл перед ней новые горизонты.

Поскольку мать поэта происходила из русинского шляхетского рода, произведения поэта насыщены особой культурно-маркированной лексикой, в том числе диалектными словами, присущими речи русинов, которые во многом обусловили стилистическое разнообразие художественных средств в поэзии И. Франко. Поэтому для переводчиков было важно истолковать тексты так, чтобы сохранить экстралингвистический фон этих слов и сделать его понятным для представителей других национальных культур, ведь именно на лексическом уровне наиболее очевидно проявляются особенности идиостиля писателя.

Целью дипломной работы является выявление особенностей перевода национально-маркированной лексики, которая представляет собой характерную черту идиостиля И. Франко, что и определяет **задачи** нашего исследования:

- 1) охарактеризовать понятия национально-маркированной, диалектной и фоновой лексики;
- 2) изучить проблему перевода безэквивалентной лексики как значительной части национально-культурных номинаций;
- 3) рассмотреть специфику идиостиля И. Франко через особенности национально-маркированной лексики, классифицировав ее по тематическим группам;
- 4) сравнить переводы текстов И. Франко с оригинальными произведениями и охарактеризовать способы толкования национально-маркированной лексики.

Цель также обусловила **методы** исследования: метод сплошной выборки, метод компонентного и контекстного анализа, сравнительно-сопоставительный метод.

Сформулированные цели и задачи определили **структуру** данной работы: введение, две главы, разделенные на параграфы, заключение и библиографический список.

ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ НАЦИОНАЛЬНО-МАРКИРОВАННОЙ И ФОНОВОЙ ЛЕКСИКИ

1.1. Лексика с национально-культурным компонентом

Культурно-маркированными единицами называют слова, которые обладают экстралингвистическим фоном и вследствие этого являются источником социо-культурной информации о стране изучаемого языка [Яшина 2009: 46]. В качестве синонимов в исследованиях различных авторов приводятся такие термины, как: лексические единицы с культурным компонентом, национально-окрашенные лексические единицы, культурно-специфические лексические единицы, экзотическая лексика, экзотизмы, варваризмы, локализмы, этнографизмы, этнолексемы, этнокультурная лексика, безэквивалентная лексика, культурно-коннотативная лексика, страноведческая лексика, алиенизмы, фоновые слова, коннотативные слова, лакуны, слова с нулевым эквивалентом, реалии, этнореалии, средства национально-культурной номинации, национально-маркированная лексика и др.

В данном исследовании мы используем термин *национально-маркированная лексика*, под которым подразумеваем такие слова, которые содержат национально-специфические элементы значения.

К национально-специфическим компонентам культуры, которые номинирует данная лексика, можно отнести, согласно исследованию И.Ю. Марковиной и Ю.А. Сорокина:

1) традиции (устойчивые элементы культуры), обычаи и обряды, которые выполняют функцию неосознанного включения в господствующую в данной культуре систему нормативных требований;

2) бытовую культуру, связанную с традициями, которую также называют традиционно-бытовой;

3) повседневное поведение, то есть привычки представителей определенной культуры, установленные в каком-либо социуме нормы общения,

а также связанные с таким поведением мимический и пантомимический коды, которые используются носителями данной лингвокультурной общности;

4) национальные картины мира, которые отражают особенности восприятия окружающего мира, национальную специфику мышления представителей определенной культуры;

5) художественную культуру, отражающую культурные традиции этноса [Марковина, Сорокин 2010: 77].

Данные аспекты можно использовать в качестве ориентира при установлении круга изучаемых проблем и общей направленности культурно-маркированных лексических единиц, содержащих экстралингвистическую информацию.

А.Д. Райхштейн выделяет такие типы национально-культурной номинации:

- узуально-концептуальная, то есть слова-реалии в их главном значении и типичном употреблении;
- okkaзионально-концептуальная, то есть контекстуальные обозначения национально-специфических фактов;
- узуально-фоновая, то есть лингвистические единицы с постоянным, типично национальным специфическим семантическим фоном;
- okkaзионально-фоновая, то есть лингвистические единицы с контекстуальным национальным фоном [Райхштейн 1986: 13].

По мнению С.В. Ивановой, данная классификация имеет большое значение для исследователей, так как сам факт разделения лексики языка на группы в зависимости от передачи различных оттенков национальной окрашенности свидетельствует о том, что корпус культурно окрашенной лексики неоднороден, а также о том, что существуют различные источники национально-культурной специфики [Иванова 2003].

Основоположники лингвострановедческого подхода к обучению языку Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров выделили следующие группы лексики, обладающей национально-культурной семантикой:

- безэквивалентная;
- коннотативная;
- фоновая [Верещагин, Костомаров 1980: 197-215].

Г.Д. Томахин также в отдельную категорию выделяет так называемые ключевые слова и фразеологизмы [Томахин 1980: 88], [Томахин 1996: 24]

В своей работе мы опираемся на данную классификацию, дополненную В.А. Чащиным. Она основывается на общих теоретических положениях о слове [Верещагин, Костомаров 1980: 19]. В соответствии с этими положениями выделяются:

- языковой знак (обозначающее);
- денотат (обозначаемый предмет/субъект реальной действительности);
- сигнификат (образ денотата и понятийное содержание языкового знака, то есть связующее звено между языковым знаком и денотатом).

Но в данном случае сигнификат трактуется более широко, чем принято в традиционной семасиологии, и опирается на данные психолингвистики, которая понимает под значением слова не только то, что зафиксировано в словарях, но и образ, который включает ряд ассоциаций, как национально кодированных и общих для всех носителей данного языка и культуры, так и сугубо личных, которые выходят за рамки лингвострановедения [Томахин 1996: 22-27].

Также Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров выделяют такую категорию, как лексический фон слова [Костомаров, Верещагин 1980: 20-41]. Данная категория основана на ассоциациях, которые связаны непосредственно с денотатом и языковым знаком, то есть отвечает и за тематические слова («со словом *письмо* тематически связаны слова *конверт, почтальон, марка, почтовый ящик* и т.д.») и за синтаксические связи, сочетаемость («например, *вложить письмо в конверт, доставить письмо, опустить письмо в почтовый ящик* и т.д.»), которые различаются в разных языках [Томахин 1980: 50].

То есть в лингвострановедческой теории слова сигнификат включает в себе:

- собственно денотативное значение (словарное значение), понятие;
- лексический фон (состоящий из непонятных семантических долей, второстепенных признаков слова);
- различные коннотации (ассоциации) [Чащин 2014: 394].

Параметры анализа объектов лексических единиц В.А. Чащин делит на две группы, которые направлены на выявление:

- количественного соответствия сопоставляемых объектов;
- качественного соответствия сопоставляемых объектов.

К первой группе он относит несколько вариантов количественного соответствия сопоставляемых объектов анализа. Объект анализа лексических единиц в одном языке:

- может не иметь соответствующего объекта анализа лексических единиц в другом языке, и тогда анализируемый объект является безэквивалентным и не может быть подвергнут дальнейшему анализу на качественное соответствие;
- может иметь соответствующий объект анализа лексических единиц в другом языке, что случается наиболее часто, и с точки зрения количественного соответствия данный объект не обладает спецификой, но национально-культурная специфика может быть выявлена при дальнейшем анализе на качественное соответствие;
- может соответствовать нескольким объектам анализа лексических единиц в другом языке, следовательно, анализируемый объект является «дуозэквивалентным» или «мультиэквивалентным», и, соответственно, обладает частичной специфичностью с точки зрения количественного соответствия. Далее в ходе анализа на качественное соответствие может быть дополнительно выявлена национально-культурная специфика сопоставляемых объектов. В данном случае возможна не только оппозиция «объект – объект», но

и оппозиция «объект – система объектов», что предопределяет направленность сопоставительного анализа, заключающуюся в том, что анализируются не только отдельные объекты, но и сама система объектов, так как потенциально национально-культурная специфика может быть заложена именно в особенностях данной системы.

Во второй группе В.А. Чащин предлагает исследовать качественное соответствие сопоставляемых объектов в содержательном и структурном аспектах.

Под содержанием объекта он понимает его компонентный состав, то есть с точки зрения объекта анализа может быть простым, а именно состоять из одной самостоятельной единицы и составляющих ее элементов, или сложносоставным, то есть включать в себя еще несколько самостоятельных единиц. Каждый элемент, составляющий единицу, также может иметь национально-культурную специфику.

Под структурой объекта В.А. Чащин понимает его определенное построение, упорядоченность содержания, обусловленную приоритетностью того или иного компонента содержания.

Исходя из этих двух аспектов, можно разделить сопоставляемые объекты на:

- минимально специфичные, то есть аналогичные;
- частично специфичные, то есть несколько отличающиеся;
- абсолютно специфичные, причем они могут быть как противопоставленными, так и просто иными.

В.А. Чащин отмечает, что национально-культурная семантика основана на наличии некоего знания, которое присутствует в массовом обыденном сознании большинства носителей одной национальной культуры, но в то же время неизвестно большинству носителей другой культуры. Также национально-культурная семантика может проявляться неосознанно на уровне ощущения, либо на уровне национально-кодифицированного восприятия действительности, либо на уровне национально-стереотипизированного

поведения [Чащин 2014: 395]. Опираясь на это, В.А. Чащин выделяет следующие виды лексики с национально-культурной семантикой.

Первая большая группа – лексика с национально-культурной семантикой, выделяемая в связи с языковым знаком и обозначаемым. Она включает: безэквивалентную лексику, дуоэквивалентную и мультиэквивалентную, а также лексику с иной логикой названия или построения языкового знака и лексику с «перевернутой» структурой языкового знака.

Остановимся подробнее на безэквивалентной лексике. Данный вид лексики обусловлен отсутствием денотата (соответственно отсутствует языковой знак) или отсутствием языкового знака (при этом денотат присутствует в сопоставляемых культурах). К первой группе В.А. Чащин относит:

- имена собственные (личные имена, географические наименования, названия учреждений, организаций), не имеющие постоянных соответствий в лексиконе другого языка;
- имена нарицательные (*совхоз, субботник*).

Ко второй группе относятся такие отсутствующие в некоторых других языках слова, как *погорелец, сутки*, которые получили названия случайных лакун [Бархударов 1975: 95-96].

Следующую большую группу представляет лексика с национально-культурной семантикой, выделяемая в связи с сигнификатом. В.А. Чащин делит ее на коннотативную лексику и фоновую лексику.

Коннотативная лексика связана с такой составляющей сигнификата, как коннотации (ассоциации), которые не обусловлены напрямую значением самой лексической единицы. К такой категории относятся два подвида лексики: первоначально безэквивалентная лексика, получившая соответствия в переводе и «эквивалентная» лексика с национально обусловленными коннотациями.

Несмотря на то, что первый подвид лишился понятия безэквивалентности, в то же время эта лексика не утратила яркого культурного компонента, который находит выражение в коннотативных значениях слов, иногда различающихся в

сопоставляемых языках. Это можно увидеть на примере имен – английского *John* и русского *Иван*, которые адаптировались и обросли коннотациями в культуре переводного языка. Или, например, топонимы *Волга* и *the Mississippi*, которые также обладают специфической коннотацией в родном языке, которую не имеют в языке перевода.

«Эквивалентная» лексика с национально обусловленными коннотациями, по мнению В.А. Чащина, особенно интересна, так как эквивалентность ее словарного значения порождает видимость коннотативной эквивалентности, что приводит к проблемам понимания и даже межкультурным конфликтам, так как в изначально безэквивалентной лексике сразу заметна ее первоначальная безэквивалентность.

Вопрос о фоновой лексике мы раскроем во 2 параграфе, прежде следует лишь сказать, что данная категория связана с такой составляющей сигнификата, как лексический фон, который ответственен за тематические слова и синтаксические связи.

Кроме коннотативной и фоновой лексики, В.А. Чащин предлагает выделить другие виды лексики с национально-культурной семантикой, к которым относит:

- лексику с перевернутой структурой понятия (например, русское слово *адрес* значит то же самое, что английское *address*, но имеет различие в структуре понятия, так как адрес в англоязычной культуре записывается иначе, чем в русскоязычной);
- лексика с иным содержанием и (или) иной структурой системы понятий (слово *car* имеет два значения: *машина* и *вагон*, абсолютно равноправных).

Представляя данную классификацию, В.А. Чащин также указывает, что с развитием языка и переводческой деятельности возможно ее расширение и дополнение. Таким образом, на данный момент национально-маркированную лексику (или лексика с национально-культурной семантикой) принято делить на безэквивалентную, коннотативную и фоновую лексику в соответствии с тем,

насколько она поддается передаче средствами другого языка при переводе и насколько запечатлевает те явления жизни определенного народа, которые не свойственны каким-либо другим.

1.2. Фоновые знания как часть национальной культурной картины мира

В широком понимании фоновые знания представляют собой все знания, которыми располагают коммуниканты к моменту общения [Томахин 1980: 84]. Фоновые знания основываются на накопительной функции языка, то есть на способности языка выступать в качестве хранилища коллективного опыта, способности закреплять этот опыт непосредственно в формах языка, в единицах речи [Томахин 1982: 9].

В психолингвистике в качестве опорного выступает положение о том, что знание не передается, а только возбуждается, то есть передаваемая в тексте информация вызывает из сознания фоновые знания, которые хранятся там в виде фреймов, воспринимаемый знак вызывает лишь возникновение образа, уже имеющегося в сознании реципиента.

Для восприятия иноязычных художественных произведений читателю нужны страноведческая и лингвосоциокультурная компетенции, чтобы он сумел осознать и прочувствовать все смыслы, заложенные в художественном произведении. Он должен обладать запасом соответствующих фоновых знаний об общественной жизни нации в эпоху, отраженную в произведении, о политических, социальных, этических, философских проблемах, волновавших писателя и его современников, о формах культуры общества, запечатленных в произведении и так далее.

Г.Д. Томахин предлагает следующую приблизительную классификацию фоновых знаний по степени их распространенности:

- общечеловеческие знания (те, что известны каждому человеку, о явлениях природы, о жизни человека, времени и т.д.);

- региональные сведения (например, знания о явлениях природы, которые распространены в конкретной местности);
- сведения, которыми располагают только члены определенной этнической и языковой общности (нации);
- сведения, которыми располагают только члены локально (жители данной местности) или социально замкнутой группы – территориальные и социальные диалекты в языковом плане (знания о географических объектах, связанные с ними ассоциации);
- сведения, которыми располагают только члены данного микроколлектива (семья, учебная или производственная группа и т.д.) (прозвища, ассоциации, связанные с историей микроколлектива, сведения о событиях, которые не выходят за его рамки) [Томахин 1980: 84-87].

Основным объектом лингвострановедения являются фоновые знания третьего типа, то есть те знания, которыми располагают только члены определенной этнической и языковой общности. Такие знания связаны с национальной культурой и с одной стороны являются частью этой культуры, а с другой – происходят из этой культуры.

Страноведческие фоновые знания – это не просто всякие знания о стране, как их иногда еще понимают, а те фоновые знания, которые в отличие от общечеловеческих и региональных характерны только для жителей определенной страны, для всех жителей данной страны и отсутствуют у иностранцев, которые не занимались изучением этой страны [Поливанов 1968: 74-75].

Необходимо отметить, что фоновые знания по географии, литературе, истории, экономике, фольклористике и другим вопросам отличаются от научных знаний. Различия между научными и массовыми знаниями заключаются в форме существования. В отличие от научных, фоновые знания не образуют системы, не упорядочены иерархически по важности, не отвечают

критерию полноты. Они запоминаются и воспроизводятся по степени яркости впечатления.

В лингвистике фоновые знания, как известно, определяются как общий фонд, который позволяет говорящим на одном языке, то есть использующими те же самые лексические, грамматические и стилистические ресурсы, понимать друг друга, как обоюдное знание реалий говорящим и слушающим, являющееся основой языкового общения [Ахманова 1966: 498].

Фоновые знания являются определяющим фактором и в выборе языковых средств, и в использовании в речи реалий действительности. В.А. Чащин отметил, что, хотя освоение культуры не может сводиться лишь к освоению лексики, так как каждый из уровней языка отражает культуру, социально-культурные изменения проявляются прежде всего на лексике того или иного языка, так как именно лексика связана с предметами и явлениями окружающей среды. Именно лексика обусловлена деятельностью и характером того или иного народа, то есть социальными факторами и категориями материального мира. Слово – название конкретной вещи, но не просто знак вещи и явления, а носитель информации. Оно может рассказать о времени, о среде, в которой вещь или явление находится.

А.Н. Крюков подчеркивает, что фоновые знания проявляют свое реальное бытие только в осмысленном высказывании, насквозь пронизывая его и придавая ему многомерность. Фоновые знания – это результат присвоения индивидом как материальных, так и духовных ценностей. Сами по себе фоновые знания могут не иметь к языкознанию никакого отношения, изучаясь в рамках естественных и социальных наук. Но лингвистику интересует то, как в той или иной лингвокультурной общности фоновые знания как невербальный компонент речевого общения вплетаются в текст речевого произведения, что в языковой коммуникации имплицитно, а что эксплицитно [Крюков 1988: 20].

Данная категория связана с понятием лексического фона, которое раскрывают Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров таким образом: «Лексический

фон – это те взятые вместе непонятные семантические доли, которые входят в семему, но не участвуют в опосредованной языком классифицирующей деятельности человека» [Верещагин, Костомаров 1980: 26].

Лексические фоны основных слов языка, как правило, тесно связаны с совокупностью духовных ценностей общества. Даже слова, которые имеют эквиваленты в большинстве языков, так как номинируют распространенные явления (такие, например, как *школа, университет*), обладают различным лексическим фоном, который отражает специфику системы образования в конкретной стране и показывают характерные черты иного образа жизни. Незнание лексического фона также приводит к нарушению употребления языка или построению бессмысленных фраз. Таким образом, лексический фон отвечает за тематические слова и синтаксические связи в языке.

Фоновые единицы выявляются при сопоставлении культурных фонов лексических единиц какой-либо пары языков, поэтому отнесение слова к группе фоновой лексики является относительным и проводить такое разграничение можно только по отношению к какому-либо языку. При этом лексические понятия эквивалентных слов, по мнению Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, всегда совпадают, а лексические фоны никогда полностью. Фоновая лексика составляет почти половину словарного запаса любого языка.

Языковые единицы, являющиеся в тексте носителями скрытой информации, нуждаются в лингвострановедческой семантизации, историческом комментарии, толковании фоновой информации, которая оказывает влияние на формирование образно-смыслового содержания художественного произведения.

В процессе перевода фоновые знания переводчика взаимодействуют со словами и структурами текста, но при недостатке фоновых знаний, сопровождаемом различиями в культурных ценностях, правильная интерпретация высказывания может быть затруднена. Совмещение функций интерпретатора и создателя нового позволяет говорить о личностно-языковой бивалентности переводчика. Две картины мира, которые пересекаются в его

художественном сознании, что вполне понятно, не абсолютно тождественны одна другой, их разделяют не только разные эпохи и социумы, этносы и культуры, различия в индивидуальном мировосприятии автора и переводчика, но и языковые особенности оригинала и перевода.

Таким образом, фоновые знания, которые являются неотъемлемой частью культурной картины мира, представляют одновременно и важнейшую составляющую профессиональной компетенции переводчика. Они включают не только знание культуры исходного и переводящего языков, но и общую эрудицию в синхроническом и диахроническом аспектах, а также учет требований дискурса к передаче культуuroобусловленного содержания.

1.3. Диалектизмы как вид безэквивалентной лексики

В современной теории перевода термин «эквивалентность» обозначает соответствие текста перевода тексту оригинала. Эквивалентность имеет объективную языковую основу и, как правило, включает в себя представления о результате перевода, максимально близком к оригиналу, и о средствах этого результата.

Термин «эквивалентность» относительно перевода предложил принять Р. Якобсон в статье «О лингвистических аспектах перевода»: «Эквивалентность – это переводческий прием, который заключается в описании той же ситуации, что и в оригинале, но в абсолютно другой редакции» [Якобсон 1985: 17]. Эквивалентность предстает в его понимании как сложное понятие, которое сводится к переводу, воспроизводящему содержание оригинала на одном из уровней эквивалентности.

Из работ Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова можно следующим образом определить понятие безэквивалентной лексики. *Безэквивалентная лексика* – это слова, которые нельзя семантизировать с помощью перевода, так как они не имеют устойчивых соответствий в других языках, не имеют смысловых соответствий в системе содержания, свойственных другому языку,

то есть это «слова, план содержания которых невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими понятиями» [Верещагин, Костомаров 2014 :70].

Поэтому понятие «безэквивалентная лексика» включает в себя не только отсутствие эквивалента, но и причину такого отсутствия – отражение словом специфической материальной и духовной культуры. Именно в связи с этим значительную часть безэквивалентной лексики занимают диалектные слова.

Ценность диалектизмов в художественной литературе заключается в их использовании для создания местного колорита и описания персонажей, являющихся выходцами определенного региона. Говоры интересуют писателей прежде всего своим словарным составом, красочными словами, которые несут отпечаток местности, называют предметы и обычаи, тесно связанные с историей и обликом данной части страны.

Диалектная лексика уникальна как с точки зрения значения, так и с точки зрения отражения особого взгляда человека на окружающий его мир, отношения с другими людьми, на собственный жизненный уклад, культуру общения, а также восприятие природы. Такая безэквивалентная лексика, то есть не переводимая на другие языки, не имеющая аналогов в них, нашла отражение в коммуникации: на уровне речи (в просторечии) и в произведениях художественной литературы. Диалектизмы способствуют созданию национального типа характера, связанного с народной культурой и мировоззрением.

При переводе произведений художественной литературы возникает проблема воспроизведения функций национального своеобразия диалектных слов. Решение этой задачи требует от переводчика отличного знания особенностей, специфики обоих языков и творческого мастерства. Несмотря на то, что передать диалектную лексику, сохранив колорит, невозможно без нарушения территориальных и конкретно национальных особенностей, переводчикам приходится находить компромисс для того, чтобы адекватно воссоздать в переводе функции диалектной лексики подлинника. Ведь именно

переводчик определяет содержательную фактуру фрагмента воссоздаваемой им иноязычной картины мира в координатах новой языковой картины мира в соответствии с ее этнокультурными, этическими и собственно лингвостилистическими особенностями. Более того, перевод является той точкой коммуникативного отсчета, которая обеспечивает понимание и адекватное восприятие текста источника.

Практически все исследователи (А.В. Федоров, И.С. Алексеева, В.Н. Комиссаров, В.С. Виноградов, С. Влахов и С. Флорин и другие) относят диалект и просторечие к коллективным отклонениям от литературной нормы.

По мнению А.В. Федорова, действительно непереводаемыми являются те отдельные элементы языка подлинника, которые представляют отклонения от общей нормы языка, ощутимые по отношению именно к этому языку, то есть в основном те диалектизмы и те слова социальных жаргонов, которые имеют ярко выраженную местную окраску. Язык располагает мощными средствами, с помощью которых воссоздаются другие функции таких слов – или функция просторечия, нелитературная окраска, свойственная диалектизму, или использование особых этимологических связей, соединяющих арготизм, или жаргонизм с корнями общенародного языка [Федоров 2002: 168].

В отношении такого элемента словаря, как диалектизм, переводческая задача всегда оказывается особенно сложной. Воспроизведение территориальных диалектизмов исходного языка, как таковых, неосуществимо с помощью территориальных диалектизмов языка перевода, так как использование элементов того или иного территориального диалекта переводного языка неизбежно вступает в противоречие с реальным содержанием подлинника, с местом действия, с его обстановкой, с принадлежностью действующих лиц и автора к определенной национальности.

Но элементы территориального диалекта, использованные в литературном произведении, обычно не только напоминают о принадлежности действующих лиц к определенной территориальной группе населения, не только являются признаком местного колорита, но, являясь отклонением от

литературной нормы, могут служить и чертой социальной или культурной характеристики персонажей. Именно эта особенность стилистического использования диалектизма поддается в той или иной мере воспроизведению в переводе, если не ограничивается передачей только вещественного смысла.

К.И. Чуковский был осторожен в суждениях о способах передачи просторечия и диалектизмов, рекомендуя воздерживаться от применения собственно лексических средств, а предлагал использовать грамматические возможности, всякого рода «синтаксические сдвиги», которые позволили бы русскому читателю почувствовать, что перед ним речевые явления, далеко отступающие от нормы» [Чуковский 1941: 81].

Согласно В.С. Виноградову, диалектным словам оригинального художественного произведения всегда соответствуют в переводе «неполные эквиваленты, у которых утрачена социолокальная информация слов оригинала» [Виноградов 2006: 86]. Подобные информативные потери восполняются либо с помощью просторечия, либо общелитературными словами, а утраченную информацию, обычно связанную с речевой характеристикой героя или описанием той или иной среды, компенсируют какими-либо другими языковыми средствами в том же микроконтексте или в другом месте широкого контекста. Неизбежные большие потери можно также частично компенсировать переводческими ремарками и комментариями.

Указывая на необходимость перевода диалектизмов просторечием, С. Влахов и С. Флорин подчеркивают, что пользоваться ими нужно осторожно и экономно. Маркеры языка источника формально могут быть совершенно иными, чем маркеры языка перевода. Язык-источник может быть маркирован фонологическими признаками и рядом грамматических признаков. Часто встречаются и псевдофонологические черты, особо обозначаемые графически. Маркеры же языка перевода – это в основном маркеры лексического уровня.

Таким образом, диалектизмы относятся к категории безэквивалентной лексики, которая наряду с фоновой и коннотативной входит в национально-маркированную, отражающую культурную картину мира как отдельных

индивидуумов, так и целых народов. Каждая из этих составляющих обеспечивают понимание культуры исходного и переводящего языка, общую осведомленность в синхроническом и диахроническом аспектах.

Диалектные слова невозможно буквально перевести в силу того, что диалекты переводящего языка будут отражать особенности иной культуры. Диалектную лексику используют с разными целями – либо для того, чтобы сделать акцент на происхождении автора, либо для того, чтобы с помощью данного средства характеризовать какого-либо персонажа.

Во втором случае переводчики используют просторечную и стилистически сниженную лексику, так как чаще всего именно она помогает сохранить колорит и не исказить речевую характеристику героя, связанного с национальной культурой, определенной исторической эпохой, социальным положением и т.д. Кроме того, возможен перевод с помощью «синтаксических сдвигов», которые создают ощущение «нелитературности» у читателя, но при этом не требуют лексических замен диалектной лексики. Также допустимыми в таких случаях считаются специальные комментарии, если при переводе упускаются важные для понимания текста детали, связанные с социолокальной информацией, заключенной в диалектизмах.

ГЛАВА 2. НАЦИОНАЛЬНО-МАРКИРОВАННАЯ ЛЕКСИКА В ПОЭЗИИ

И. ФРАНКО

2.1. Специфика идиостиля И. Франко

Прежде чем обратиться к творчеству И.Я. Франко, необходимо уточнить сущность понятия индивидуального стиля автора. В лингвостилистике принята трактовка, в соответствии с которой идиостиль (или идиолект) понимается как «совокупность индивидуальных (профессиональных, социальных, территориальных, психофизических и др.) особенностей, свойственных речи отдельного носителя данного языка. Иногда идиолект отмечают в качестве одного из квазисинонимических терминов по отношению к языковой личности [Кожина 2003: 96].

При этом индивидуальный стиль автора определяется как «совокупность основных стилевых элементов, неизменно присутствующих в произведениях данного автора в определенный период его творчества или распространяющихся на все его творчество в целом» [Кожина 2003: 102]. Понятие индивидуального стиля органично вплетается в концепцию творческой языковой личности В.В. Виноградова и смежных работ М.Л. Гаспарова, А.К. Жолковского, С.Т. Золяна.

В широкий научный обиход понятие языковой личности ввел Ю.Н. Караулов, по мнению которого, языковая личность – это человек, обладающий способностью создавать и воспринимать тексты, различающиеся:

- а) степенью структурно-языковой сложности;
- б) глубиной и точностью отражения действительности;
- в) определенной целевой направленностью [Караулов 2003: 5].

Ю.Н. Караулов разработал уровневую модель языковой личности с опорой на художественный текст. Языковая личность, по его мнению, имеет три структурных уровня [Караулов 2003: 42]. Рассмотрим каждый из них.

Прежде всего, он выделяет нулевой – вербально-семантической – уровень, включающий системно-структурные данные о состоянии языка в

соответствующий период, то есть отражающий степень владения языковой личности обыденным языком.

Первый уровень – лингво-когнитивный (тезаурусный) – включает социальные и социолингвистические характеристики языковой общности, к которой относится рассматриваемая личность и которая определяет субординативно-иерархические, то есть идеологические отношения основных понятий в картине мира. Этот уровень предполагает отражение языковой модели мира личности, ее тезауруса, культуры.

Второй – прагматический – уровень представлен сведениями психологического плана, обусловленными принадлежностью изучаемой личности к более узкой референтной группе или частному речевому коллективу и определяющими те ценностно-установочные критерии, которые и создают уникальный, неповторимый эстетический и эмоционально-риторический колорит ее дискурса. Прагматический уровень включает в себя выявление и характеристику мотивов и целей, движущих развитием языковой личности.

Из этой теории становится понятно, что изучение языковой личности поэта невозможно без знания фактов его биографии, повлиявших на его творчество. По словам Л.И. Скупейко, «художественные формы эстетического отношения писателя к действительности теснейшим образом связаны с формами его социокультурной принадлежности и их историческим развитием. Совпадение форм социокультурной принадлежности с формами проявления индивидуальности писателя является одним из необходимых условий оригинальности его творчества [Скупейко 1986: 107]. А.А. Сербенская, исследуя концепцию языковой индивидуальности писателя, пришла к выводу, что И.Я. Франко «органично связывал язык с самой личностью», видел в ней «саму сущность создателя» [Сербенская 2006: 84-85].

Исследование языковой личности Ивана Франко интересно тем, что позволяет наблюдать в поэтическом идиостиле отражение двух этнических картин мира: общенациональной (украинской) и этнической (русинской). В его поэтических текстах наряду с украинскими вполне органично соседствуют

русинские формы, что придает его поэзии неповторимое этнокультурное своеобразие.

По мнению отечественных исследователей творчества И. Франко отклонения от современных норм украинского литературного языка в его текстах вызваны несколькими причинами. Во-первых, литературная деятельность Франко охватывает временной промежуток последней четверти XIX – первое десятилетие XX века. В исследованиях по истории украинского языка именно этот период связывают с употреблением в литературном языке Галичины, с одной стороны, так называемого москвофильского «язычия», с другой стороны, народного языка, который часто превращался в копирование диалекта и его искусственное приближение к литературной норме путем употребления книжных и иностранных элементов. Во-вторых, период, в который Франко создавал свои произведения, отражает ту стадию развития украинского литературного языка в Галичине, где происходило нарушение традиций употребления книжных славянорусских элементов и одновременное заполнение пробелов, в частности в области научной и общественно-политической лексики [Франко 1958: 3].

Невозможно отрицать влияние как украинской, так и мировой классики на формирование таланта Ивана Франко и его мировоззрение. Но его творческая индивидуальность выделяется в литературном процессе именно потому, что ему удалось так органично переплести особенности украинской классической литературы и русинской культуры, окружавшей его с самого детства.

Сам И. Франко отмечал значительную роль этнокультурного компонента в поэтическом творчестве: «Каждый выдающийся современный писатель – будь он славянин, немец, француз, скандинав – подобен дереву, которое своими корнями вырастает как можно глубже и крепче в родную, национальную почву, стараясь вобрать и переварить как можно больше ее живительных соков, а стволом и кроной распускается в интернациональной атмосфере идейных

интересов, научных, общественных, эстетических и нравственных стремлений» [Калениченко 1994: 124].

Как истинно народный поэт, Иван Франко черпал свое вдохновение из этноязыковой картины мира и народной речевой стихии. Для читателя-соотечественника его творчество – это художественно представленный в ценностно-смысловых координатах родного языка русинский мир, для читателя-иностранца же – это знакомство с иной картиной мира, поэтически оформленной посредством перевода.

Для русского же читателя художественный мир И. Франко, как и Т. Шевченко или любого другого украинского писателя, представляет своеобразное воплощение духа украинского народа. Идиостилевое различие поэтического мышления украинского поэта остается за рамками восприятия русского читателя, так как поэтические переводы в целом не могут дать полного представления о национальной своеобразии картины мира автора, а в случае с переводами текстов Франко задача переводчика осложняется тем, что в переводах необходимо отразить «вторичную, этническую составляющую» - русинскую.

Сложность передачи особенностей концептосферы поэтического текста И. Франко средствами другого языка обусловлена не столько передачей стилистических особенностей текста-источника, сколько ценностно-смысловой многослойностью представленной в нем индивидуально-авторской картины мира. В ней содержатся: 1) глубинный (мировоззренческий) слой, отражающий фрагмент общекультурной (общечеловеческой) картины мира; 2) слой национальной украинской культуры; 3) поверхностный этнический слой, который связан с русинским мировидением поэта [Алефиренко, Чумак-Жунь 2017: 17]. Следовательно, данная концепция идиостиля Ивана Франко соотносится с представлениями о языковой картине мира, разработанными Ю.Н. Карауловым.

Ивану Франко удалось развить и обогатить украинский литературный язык. «Разные этапы творчества выдающегося деятеля отражают определенные

особенности языковой ситуации на Галичине: в языке произведений И. Франко отражены и москвофильское «язычие», и бойковский говор, и нормализованный тип литературного языка на народной основе, который появился вследствие унификации с надднепрянским литературным языком», но «в этом нормализованном типе литературного языка галицкие диалектные элементы занимают значительное место» [Матвиев 1977: 26].

Таким образом, языковая личность Ивана Франко тесно связана с культурой его народа и с его русинским происхождением. Именно сплетение этих особенностей – национальной (украинской) и этнической (русинской) составляющей – породили своеобразие его идиостиля. Творчество И. Франко неразрывно связано с его культурой и с эпохой, в которую он создавал свои произведения, он сделал значительный вклад в развитие и обогащение украинского литературного языка, насытив свои тексты лексикой различных диалектов, при этом сохранив народную основу. Чтобы подробнее изучить специфику идиостиля Франко, мы обратились к лексическим особенностям его лирических произведений.

2.2. Тематические группы национально-маркированной лексики в поэзии И. Франко

Для рассмотрения нами были взяты лирические произведения Ивана Франко. Выявленную лексику с национально-культурным компонентом значения мы классифицировали на несколько категорий в соответствии с тем, к какой теме она относится.

Наиболее обширную тематическую группу составила лексика, связанная с **домом, бытом, хозяйством и семейной жизнью украинского народа**, так как значительная часть лирики Ивана Франко описывает деревенскую жизнь. Слова, составившие данную группу, представлены ниже.

- *Байдак* – великий човен, яким плавали по річках і морю [Бусел 2005: 56]. (Большая лодка, на которой плавали в речках и море).

- *Богомаз* – ікона, намальована малярем-іконописцем [Бусел 2005: 90]. (Икона, написанная маляром-иконописцем).
- *Верета* – діал. різнокольоровий килим із грубої вовни [Бусел 2005: 121]. (Разноцветный ковер из грубой шерсти).
- *Війт* – сільський староста. // У Західній Україні та в Польщі – голова волосної управи [Бусел 2005: 187]. (Сельский староста. // В Западной Украине и в Польше – глава волостного управления.)
 - *Газда* – діал. зах. господар [Бусел 2005: 269]. (Хозяин).
 - *Дараба* – діал. зах. пліт, збитий із дерев'яних кругляків [Бусел 2005: 273]. (Плот, сбитый из деревянных колод).
 - *Дачка* – діал. зах. грошові податкові стягнення; частка податі [Бусел 2005: 274]. (Денежные налоговые взыскания; часть подати).
 - *Долівка* – уторована, вирівняна та помазана глиною земля в приміщенні; взагалі підлога [Бусел 2005: 315]. (Торная, выровненная и помазанная глиной земля в помещении; вообще пол).
 - *Дрюк* – велика товста дерев'яна палиця [Бусел 2005: 330]. (Большая толстая деревянная палка).
 - *Загата* – діал. огорожа біля стін хати, проміжок між якою і стінами закладається листям, соломною і т. ін. для утеплення хати взимку [Бусел 2005: 383]. (Ограждение возле стен дома, промежутки между которыми и стенами заполняются листьями, соломой и т.д. для утепления дома зимой).
 - *Зліцитувати* – діал. продати з торгів [Бусел 2005: 463]. (Продать на торгах).
 - *Комин* – 1. Передня (нижня) частина димоходу варистої печі. 2. Канал з вогнетривкого матеріалу для виходу диму з печі, груби в повітря; димохід. 3. Горішня частина димоходу над дахом якої-небудь будівлі; димар [Бусел 2005: 559]. (1. Передняя (нижняя) часть дымохода кухонной печи. 2. Канал из огнеупорного материала для выхода дыма из печи в воздух; дымоход. 3. Верхняя часть дымохода над крышей какого-либо дома; дымоход.)
 - *Копаниця* – діал. полози саней [Бусел 2005: 572]. (Полозья саней).

- *Кріс* – діал. зах. рушниця [Бусел 2005: 589]. (Ружьє).
- *Люлька* – приладдя для куріння, що складається з мундштука і чашечки для накладання тютюну. [Бусел 2005: 631]. (Приспособление для курения, которое состоит из мундштука и чашечки для накладывания табака).
- *Межа* – 1. Лінія поділу якої-небудь території; границя. 2. Вузька цілинна смуга між полями, що є водночас і польовою стежкою або шляхом [Бусел 2005: 656]. (1. Линия раздела какой-либо территории; граница. 2. Узкая целинная полоса между полями, которая также является и полевой тропинкой или путем).
- *Найми* – робота або служба, на яку хто-небудь найнявся [Бусел 2005: 718].
- *Оборіг* – повітка на чотирьох стовпах для зберігання сіна, збіжжя і т. ін. [Бусел 2005: 813]. (Сарай на четырех столбах для хранения сена, зерна и т. д.)
- *Образ* – картина [Бусел 2005: 815].
- *Перевесло* – джгут із скрученої соломи для перев'язування снопів [Бусел 2005: 902]. (Жгут из скрученной соломы для перевязывания снопов).
- *Переднівок* – діал. Час перед новим урожаєм (звичайно голодний) [Бусел 2005: 908].
- *Пристаїство* – діал. прихід у прийми [Бусел 2005: 1132]. (Жить в семье жены).
- *Прясло* – діал. частина огорожі [Бусел 2005: 1183]. (Часть ограждения).
- *Свічадо* – поет. дзеркало [Бусел 2005: 1300]. (Зеркало).
- *Свояк* – діал. родич [Бусел 2005: 1301]. (Родственник).
- *Скиба* – смуга, шар землі, яку вивертає плуг під час оранки [Бусел 2005: 1329]. (Полоса, слой земли, которую выворачивает плуг во время вспашки).
- *Скрутець* – діал. згорток [Бусел 2005: 1339]. (Сверток).

- *Стернище* – поле, покрите стернею [Бусел 2005: 1391]. (Поле, покритое жнивьем).
- *Стрийна* – діал. зах. тітка, сестра батька або дружина батькового брата [Бусел 2005: 1402]. (Тетка, сестра отца или жена брата отца).
- *Стріха* – нижній край солом'яної покрівлі, який звисає над стіною. // Покрівля будівлі (перев. солом'яна) [Бусел 2005: 1403]. (Нижний край соломенного покрытия, который свисает над стеной. // Покрытие дома (преимущественно соломенное)).
- *Трам* – діал. 1. Сволок у хаті чи бантина на горищі, в повітці, клуні і т. ін. 2. Взагалі колода, балка [Бусел 2005: 1483]. (1. Балка, поддерживающая потолок, в доме или перекладина на чердаке, в сарае, амбаре и т.д. 2. Вообще колода, балка).
- *Хата* – 1. Сільський одноповерховий житловий будинок. // Домівка, господа. // Тимчасове пристановище для кого-небудь. 2. Внутрішнє житлове приміщення такого будинку. // Кімната [Бусел 2005: 1557]. (1. Деревенский одноэтажный жилой дом. // Жилье, хозяйство. // Временное пристанище для кого-либо. 2. Внутреннее жилое помещение такого дома. // Комната).
- *Цабе* – вигук, яким волів повертають праворуч [Бусел 2005: 1578]. (Междометие, которым поворачивают вправо волов).
- *Царина* – діал. засіяне поле; посіви; лан [Бусел 2005: 1578]. (Засеянное поле; посеvy; луг).

Также к данной тематической группе примыкает лексика, связанная с **украинской кухней**.

- *Бульба* – діал. картопля [Бусел 2005: 101]. (Картошка).
- *Винниця* – діал. виноградник [Бусел 2005: 143].
- *Горівка* – діал. міцний алкогольний напій, що є сумішшю спирту, переважно з пшениці, ячменю та ін. зернових, і води у певній пропорції [Бусел 2005: 254]. (Крепкий алкогольный напиток, который является смесью спирта, преимущественно из пшеницы, ячменя и других зерновых, и воды в определенной пропорции).

- *Обарінок* – діал. бублик. [Бусел 2005: 796].
- *Пугар* – діал., зах. келих, кубок [Бусел 2005: 1187]. (Бокал, кубок).
- *Спуз* – діал. зах. попіл [Бусел 2005: 1379]. (Пепел).
- *Чарка* – велика (перев. скляна) посудина для пиття вина та спиртних напоїв; келих [Бусел 2005: 1593]. (Большая (преимущественно стеклянная) посудина для вина и спиртных напитков; бокал).
- *Шинок* – невеликий заклад, де продавалися на розлив спиртні напої; корчма [Бусел 2005: 1621]. (Небольшое заведение, где продавались на розлив спиртные напитки; корчма).

В еще одной тематической группе, связанной с бытом и хозяйством украинцев, является группа слов, которые называют предметы **одежды**.

- *Гунька* – верхній одяг із домотканого грубого, перев. нефарбованого, сукна [Бусел 2005: 266]. (Верхняя одежда из домотканого грубого, преимущественно не крашенного, сукна).
- *Запаска* – діал. фартух [Бусел 2005: 411]. (Фартук).
- *Зрібна (сорочка)* – пошита з полотна, витканого домашнім, кустарним способом [Бусел 2005 :479]. (Сшитая из полотна, вытканного домашним, кустарным способом).
- *Кайстровий* – діал. повстяний [Бусел 2005: 515]. (Войлочный).
- *Кожух* – довга, не вкрита сукном шуба з великим коміром, пошита звичайно з овечої шкіри хутром до середини [Бусел 2005: 551]. (Длинная, не покрытая сукном шуба с большим воротником, сшитая обыкновенно из овечьей skóry мехом внутрь).
- *Пасові (чоботи)* – суцільні чоботи з невідрізним передом [Бусел 2005: 892]. (Цельные сапоги с не отрезным передом).
- *Свита* – старовинний довгополий верхній одяг, звичайно з домотканого грубого сукна. // Ознака належності до простих людей [Бусел 2005: 1297]. (Старинная долгополая верхняя одежда, обычно из домотканого грубого сукна. // Признак принадлежности к простым людям).

- *Чуга* – діал. зах. вид верхнього одягу з довгим коміром у галицьких лемків, пошитого з суцільних шматків доморобної тканини [Бусел 2005: 1608]. (Вид верхней одежды с длинным воротником у галицких лемков, сшитый из цельных кусков домотканого полотна).

Близкой к быту также является тематическая группа, в которую вошли слова, связанные с **музыкой**.

- *Сопілка* – український народний духовий музичний інструмент із дерева або очерету, що має форму порожнистої трубки з отворами [Бусел 2005: 1357]. (Украинский народный духовой музыкальный инструмент из дерева или тростника, который имеет форму пустой трубки с отверстиями).

- *Сурма* – старовинний духовий музичний інструмент прямої видовженої форми, що його використовували перев. як сигнальний [Бусел 2005: 1416]. (Старинный духовой музыкальный инструмент прямой удлиненной формы, который использовали преимущественно как сигнальный).

- *Теорба* – струнний щипковий музичний інструмент, басовий різновид лютні [Бусел 2005: 1441]. (Струнный щипковый музыкальный инструмент, басовая разновидность лютни).

Жизнь народа неразрывно связана с поверьями и фольклором, поэтому в отдельную небольшую тематическую группу вошла лексика, называющая **нечистую силу**.

- *Блуд* – «нечиста» сила, що збиває людину з дороги [Чебанюк 2014: 21]. (Нечистая сила, которая сбивает человека с пути).

- *Злуда* – діал. омана [Бусел 2005: 464]. (Обман, наваждение).

- *Змора* – діал. кошмар, привид [Бусел 2005: 467]. (Кошмар, приведение).

Тематической группой слов, которая близка жизни народа, но связана не непосредственно с домом, а с хозяйством и национальным духом, является лексика, относящаяся к теме **природы**.

Буркут – місцева назва джерел вуглекислих мінеральних вод на Закарпатті [Бусел 2005: 103]. (Местное название источников углекислых минеральных вод в Закарпатье).

Верем'я – діал. гарна погода [Бусел 2005: 121]. (Хорошая погода).

Вуйко – перен. ведмідь [Бусел 2005: 212]. (Медведь).

Гадь – земноводна тварина або плазун [Бусел 2005: 216]. (Земноводное животное или пресмыкающееся).

Гостинець – діал. великий битий шлях; шосе [Бусел 2005: 256]. (Большая дорога; шоссе).

Деркач – невеликий перелітний птах із жовтувато-бурым оперенням, який відзначається характерним скрипучим криком [Бусел 2005: 287]. (Небольшая перелетная птица с желтовато-бурым оперением, которая отличается характерным скрипучим криком).

Діл – горная вершина неподалеку от Борислава [Погребенник 1990: 499].

Закрутина – діал. закрут (крутий поворот, дугоподібний вигин) [Бусел 2005: 399]. (Крутой поворот, дугообразный изгиб).

Зарінок – діал. 1. Пологий берег річки, вкритий рінню. 2. Рівне місце біля річки, поросле травною [Бусел 2005: 418]. (1. Пологий берег речки, покрытый галькой. 2. Ровное место возле речки, заросшее травой).

Кичера – діал. гора, вкрита вся лісом, крім вершини [Бусел 2005: 538]. (Гора, покрытая лесом, кроме вершины).

Легім – легкий приємний вітерець [Бусел 2005: 609]. (Легкий приятный ветерок).

Лилик – діал. зах. кажан [Бусел 2005: 614]. (Летучая мышь).

Майка – весняний безкрилий жук родини нарывникових [Бусел 2005: 637]. (Весенний бескрылый жук семейства нарывников).

Манівці – кружний, обхідний шлях [Бусел 2005: 644]. (Окольный, обходной путь).

Нора – діал. джерело [Бусел 2005: 791]. (Источник).

Підгір'я – горные районы Прикарпатья [Погребенник 1990: 499].

Плай – діал. стежка в горах [Бусел 2005: 978]. (Тропка в горах).

Сквар – діал. спека [Бусел 2005: 1380]. (Жара).

Троща – діал. очерет [Бусел 2005: 1480]. (Камыш).

Угорський бік – Угорщина. (Венгрия).

Хабуз – діал. зарості бур'яну, дрібного чагарнику і т. ін. [Бусел 2005: 1554]. (Заросли бурьяна, мелкого кустарника и т. п.).

Шура-бура – вихор [Бусел 2005: 1635]. (Вихрь).

Явір – дерево родини кленових з великим п'ятилопатеvim листям; білий клен [Бусел 2005: 1645]. (Явор).

В ходе исследования лирических произведений Ивана Франко мы выявили тематическую группу слов, контрастирующую с вышеперечисленными. Это лексика, связанная с **революционным пафосом сопротивления**, из стихотворений, посвященных выявлению и осуждению негативных сторон жизни украинского народа.

Збиткуватися – діал. знущатися [Бусел 2005: 441]. (Издеваться).

Збридити – діал. зробити брудним [Бусел 2005: 443]. (Обезобразить).

Клеврет – діал. відданий прибічник [Бусел 2005: 544]. (Преданный сторонник).

Крата – діал. трати [Бусел 2005: 583]. (Решетка).

Ланець – діал. ланцюг [Бусел 2005: 605]. (Цепь).

Ляхи – поляки [Бусел 2005: 633].

Москаль – 1. Вояк, солдат. 2. Росіянин [Бусел 2005: 691]. (1. Воин, солдат. 2. Россиянин).

Мур – висока кам'яна або цегляна стіна навколо чогось [Бусел 2005: 696]. (Высокая каменная или кирпичная стена вокруг чего-либо).

Нагайка – батіг із сплетених ремінців з коротким пужалном [Бусел 2005: 706]. (Кнут из сплетенных ремней с коротким кнутовищем).

Пан – 1. Поміщик у старих Польщі, Литві, дореволюційних Україні та Білорусі. 2. Той, хто мав привілейоване становище в дореволюційному суспільстві, належав до забезпечених верств міського населення, інтелігенції. // Той, хто має владу над іншими; володар, хазяїн [Бусел 2005: 880]. (1. Помещик в старой Польше, Литве, дореволюционной Украине и Белоруси. 2. Тот, кто имел привилегированное положение в дореволюционном обществе,

принадлежал к обеспеченным слоям городского населения, интеллигенции. // Тот, кто имеет власть над другими; властитель, хозяин).

Періщити – сильно бити, сікти, шмагати [Бусел 2005: 937]. (Сильно бить, сечь, хлестать).

Полегша – діал. полегкість [Бусел 2005: 1031]. (Облегчение).

Ріпник – робітник у шахті, який видобував нафтову ропу [Бусел 2005: 1228]. (Рабочий в шахте, который добывал нефть).

Тортури – 1. Фізичне насильство, катування під час допиту обвинуваченого, щоб домогтися від нього зізнання. 2. Сильне моральне страждання муки [Бусел 2005: 1464].

Хлоп – селянин, мужик взагалі або кріпак [Бусел 2005: 1564]. (Селянин, крестьянин вообще или крепостной).

Шандар – діал. жандарм [Бусел 2005: 1612].

Шарварок – додаткова до панщини феодальна повинність із будівництва і ремонту мостів, шляхів, гребель, панських будинків і т. ін. [Бусел 2005: 1613]. (Дополнительная к панщине феодальная повинность по строительству и ремонту мостов, путей, плотин, господских домов и т. д.).

В отдельную группу мы отобрали лексику, связанную с явлениями и личностями из **истории Украины**.

Галаган – діал. старовинна мідна монета, а також мідна монета взагалі [Бусел 2005: 218]. (Старинная медная монета, а также медная монета вообще).

Гетьман – у XVI ст. – виборний ватажок козацького війська Запорізької Січі, від XVII ст. до 1764 р. – начальник козацького війська та верховний правитель України [Бусел 2005: 235]. (В XVI в. – избранный предводитель казацкого войска Запорожской Сечи, с XVII в. до 1764 г. – начальник казацкого войска и верховный правитель Украины).

Гонта – казацкий сотник, один из руководителей народного восстания на Украине, которое было воспето Т. Шевченко в поэме «Гайдамаки» [Погребенник 1990: 498].

Козак – у XVI-XVIII ст. – вільна озброєна людина, що жила на півдні України та брала участь у військових діях проти татаро-турецьких і польських загарбників; нащадок такої людини [Бусел 2005: 551]. (В XVI-XVIII вв. – свободный вооруженный человек, который жил на юге Украины и принимал участие в военных действиях против татаро-турецких и польских захватчиков; потомок такого человека).

Корогви – військовий бойовий прапор [Бусел 2005: 576]. (Военный боевой флаг).

Отамани – виборний або призначений ватажок козацького війська. // Представник козацької адміністрації у населених пунктах в Україні в XVII-XVIII ст. [Бусел 2005: 865]. (Избранный или назначенный предводитель казацкого войска. // Представитель казачьей администрации в населенных пунктах в Украине в XVII-XVIII вв.)

Рекрут – солдат-новобранець [Бусел 2005: 1211]. (Солдат-новобранец).

Руїна – період, когда после смерти Б. Хмельницького Украина, особливо правобережная, была сильно разорена [Погребенник 1990: 497].

Червінець – десять карбованців [Бусел 2005: 1597]. (Десять рублей).

Последней тематической группой стали слова, описывающие **эмоциональные состояния героя**.

Грижа – діал. журба, турбота, гризота [Бусел 2005: 261]. (Тоска, беспокойство, тревога).

Даватися взнаки – залишати про себе пам'ять чим-небудь прикрим, неприємним [Бусел 2005: 271]. (Оставляют о себе впечатление чем-либо обидным, неприятным).

Екстрема – крайність у заходах і вчинках. [Бусел 2005: 342]. (Крайность в поступках).

Захланність – діал. жадібність [Бусел 2005: 433]. (Жадность).

Звада – незгода, ворожнеча. // Сварка [Бусел 2005: 444]. (Несогласие, вражда. // Ссора).

Колот – діал. безладний дух, гомін людей; сум'яття. // Стихійний вияв незадоволення своїм становищем; заворушення [Бусел 2005: 557]. (Беспокойный дух, шум людей; суматоха. // Стихийное проявление неудовлетворения своим положением; беспорядки.)

Лебедіти – настирливо або слізно просити; жалібно вмоляти [Бусел 2005: 608]. (Настойчиво или слезно просить; жалобно умолять).

Лоточити – діал. зах. лаяти [Бусел 2005: 628]. (Ругать).

Мамона – жадібність, ненаситність, зажерливість [Бусел 2005: 643]. (Жадность, ненасытность, алчность).

Ошука – діал. зах. обман [Бусел 2005: 873].

Розпука – безнадія, відчай. // Душевний біль, страждання [Бусел 2005: 1259]. (Безнадежность, отчаяние. // Душевная боль, страдание).

Розхристана – з оголеними, відкритими грудьми, у розстебнутому одязі. // Дуже схвильований, збентежений [Бусел 2005: 1270]. (С оголенной, открытой грудью, в расстегнутой одежде. // Очень взволнованный, встревоженный).

Скрута – складні, важкі обставини, труднощі. // Тяжкий період для когонебудь. // Складні душевні переживання, важкий моральний стан людини [Бусел 2005: 1339].

Таким образом, нам удалось выделить 9 тематических групп национально-маркированной лексики в лирике Ивана Франко. Слова из первой группы описывают быт, хозяйство и явления семейной жизни украинцев. Во вторую группу вошли слова, называющие блюда, посуду и другие явления, связанные с украинской кухней. Третью тематическую группу составили названия предметов одежды. Четвертая группа представлена номинациями украинских народных музыкальных инструментов. Пятая группа описывает явления нечистой силы. Шестая тематическая группа включает географические названия местности, лексику, связанную с явлениями природы, названиями деревьев, животных. В седьмую группу вошли слова, отражающие негативные явления жизни украинцев и связанные с борьбой, сопротивлением. Восьмая группа слов – явления, имена собственные, названия валюты, вошедшие в

историю страны. Девятая группа описывает эмоциональные состояния и чувства лирического героя.

Большинство слов, вошедших в данную классификацию, – это существительные. Также представлены глаголы и прилагательные, а также междометия.

Почти половину национально-маркированной лексики, которую нам удалось выявить в лирике Ивана Франко, занимает диалектная лексика. Наибольшее количество диалектизмов мы обнаружили в тематической группе, связанной с домом и хозяйством, одеждой, кухней, а также в группе слов с семантикой сопротивления и борьбы, в тематической группе, в которую вошли названия природных явлений, и среди слов, обозначающих эмоциональные состояния. Группа, относящаяся к историческим событиям в Украине, и тематическая группа, в которую вошли названия украинских народных музыкальных инструментов, представлена исключительно литературной и устаревшей лексикой.

2.3. Способы толкования национально-маркированной лексики

Довольно обширную часть лексики, представленной и описанной в прошлом параграфе, составляет безэквивалентная лексика. Как уже было сказано, этот пласт лексики наиболее трудно перевести и адаптировать для читателя с иной национальной картиной мира. Чаще всего в переводах лирики Ивана Франко такую лексику оставляли без изменений, а значение угадывалось из контекста, или же из справочного материала, приведенного в примечаниях к сборнику.

Тематическая группа, связанная с историей Украины, наиболее ярко демонстрирует такой способ перевода. Например:

Руїни перебув, татарські лихоліття

І панщини ярмо тверде.

[Франко, I, 61]

Татарський плен изжил, Руину, лихолетьє

И паницины жестокий гнет.

[Погребенник, I, 61]

Как видно из данного примера, переводчик оставляет такие понятия как *Руина, паницина*, не адаптируя их для русского читателя, а воспроизводя так же, как дано в оригинале.

Слова, обозначающие людей определенной национальности, принятые в украинской среде, также переводчики оставляют без изменений:

Що, з москалем? О, то нещастя наше!

Москаль твердий, не встоять наші хлопці

Супроти нього.

[Франко, II, 254]

Как, с москалями? Плохо наше дело!

Упорны москали, не сдюжить нам

Супротив них.

[Погребенник, I, 161]

Облягали ляхи місто

Десь в часі Руїни,

Штурмували брами й мури,

Підкладали міни.

[Франко, III, 136]

Осаждали город ляхи

*Как-то, в дни Руины,
Штурмовали укрепления,
Подводили мины.*

[Погребенник, I, 201]

Так лексемы *москаль*, *ляхи*, обозначающие россиян и поляков, переводчик оставляет, так как они несут дополнительную негативную коннотацию, так как на тот исторический момент, когда эти слова входили в употребление, эти народы враждовали с Украиной.

Также в определенных географических названиях, имеющие аналоги в русском языке, переводчик изменяет лишь форму:

*Я по Галичині вже ходжу рік,
Теперь піду ще на угорський бік.*

[Франко, II, 264]

*Из галицких крестьян собрал я рать,
В Угорщине теперь бы побывать.*

[Погребенник, I, 170]

Несмотря на то, что в русском языке слову *Угорщина* соответствует аналог – *Венгрия*, переводчик оставляет данный топоним для сохранения колорита и ритмического рисунка.

Но в некоторых случаях лексика, обозначающая исторические факты, адаптируется для русского читателя:

*Ти любиш в ній князів,
Гетьмання, панування...*

[Франко, II, 184]

*Ты любишь в ней князей,
Вельможное дворянство...*

[Погребенник, I, 133].

Лексему *панування* переводчик заменяет на *вельможное дворянство*, относящиеся к возвышенному стилю и меняющую пафос на более торжественный.

Таким же образом адаптированы и другие слова, отсылающие к историческим реалиям Украины:

*Ой ідуть-ідуть тумани
наддністровими лугами,
наче військо з корогвами,
а передом отамани.*

[Франко, III, 41]

*Ой, идут, идут туманы
над днестровскими лугами,
как полки под знаменами,
перед войском – атаманы.*

[Погребенник, I, 190]

В данном случае переводчик заменяет лексему *корогви*, которая обозначала именно военный боевой флаг [Бусел 2005: 576], на *знамена*, которая также в своем значении несет принадлежность воинской части и государству [Ожегов]. Но если *корогви* и *знамена* – одной стилистической окраски, то *гетьманя*, *панування* и *вельможное дворянство* – нет. В переводе использован высокий стиль, который не свойственен языковой картине мира Франко. Подобным образом переводчик поступил и в следующем случае:

*Я озирнулася – шандар!
Блищить на плечах карабін,
Ліхтарня блима при пасі.*

[Франко, I, 222]

*Я оглянулася – стражник это!
Блеск карабина за плечами,
Горит на поясе фонарь.*

[Погребенник, I, 115]

Диалектизм *шандар* переведен через устаревшую лексему *стражник*, которая привносит отличный от оригинала пафос.

Из этой же тематической группы адаптированы к русским реалиям и другие слова, например:

*Ні повіськії тортури,
Ні тюремні царські мури,
Ані війська муштровані,
Ні гармати лаштовані...*

[Франко, I, 22]

*Ни поповства козни злые,
Ни орудия стальные
Ни царевы казематы,
Ни жандармы, ни солдаты...*

[Погребенник, I, 23]

Оборот *тюремні царські мури* переведен как *царевы казематы*, что по сути сохраняет значение ‘тюремного помещения’, но при этом русское слово

казематы прямо указывает на ‘тюремное заключение’, в отличие от нейтрального слово *мури*.

Слова, относящиеся к тематической группе, содержащей номинации элементов одежды, по большей части невозможно было перевести, поэтому переводчикам приходилось прибегать к смысловым заменам, чтобы русскому читателю было понятно, о чем идет речь, но при этом терялся национально-маркированный компонент значения, так как в Западной Украине используются оригинальные названия для конкретных предметов одежды, которые в переводе отражены не были.

Чому ж він зрїбною сорочкою окритий,

Чому сіряк, чуга

На нім, мов на старці, з пошарпаної свити?

[Франко, I, 60]

Так отчего на нем рубаха из холстины,

Заплатанный армяк?

Зачем, как нищий, он прикрыл отрепьем спину?

[Погребенник, I, 60]

В данном отрывке три лексемы, которые являются номинациями предметов одежды: *зрїбна сорочка*, *чуга*, *свита*, которые при переводе сохраняют общее значение, но теряют свой национальный колорит: *рубаха из холстины*, *армяк*, *отрепье*. Следует заметить, что армяк – это вообще национальная русская одежда. В Большом энциклопедическом словаре на это есть прямые указания:

Армяк (тюрк.) – 1) верхняя долгополая распашная одежда – халат из грубой шерстяной ткани или домашнего сукна; *носили в прошлом русские крестьяне*; 2) Армяк, или армячина, ткань из верблюжьей шерсти,

изготавливавшаяся татарами, казахами, монголами [Большой энциклопедический словарь].

Такой адаптации подверглись также слова, которые обозначают природные явления. Например:

*Похилились квітки,
Посумніли, замклись;
Шура-буря пройшла –
Вони знов піднялись.*

[Франко, I, 25]

*Опустили цветы
Сразу венчики вниз,
Но лишь стихла **метель** –
Вновь они поднялись.*

[Погребенник, I, 25]

Разговорное выражение *шура-буря* в данном отрывке было переведено стилистически нейтральным *метель*, из-за чего теряется народный колорит, стихотворение становится менее приближенным к фольклорной веснянке, чем оригинальный текст.

При переводе также теряются и номинации образов нечистой силы, которые в своих стихах использует Иван Франко. Чаще всего они заменяются на описания каких-либо качеств либо ощущений, связанных с тем, что олицетворяют эти существа.

*Самотою ходжу я, мов блуд,
З горем в серці нестерпно важким...*

[Франко, I, 44]

*Как заблудший, брожу там и тут,
С горем в сердце безмерным своим...*

[Погребенник, I, 44]

Таким образом в переводе сохраняется корень *блуд*, но теряется собственно обозначение нечистой силы, а лексема *заблудший* передает общее ощущение заблуждения, потерянности.

В некоторых случаях переводчик оставляет коннотацию, связанную с магией, но не сохраняет мысль о конкретных существах, дает более общее значение, чем в оригинальном тексте:

*У світ краси й гидоти, в море сине
В аркани злуд, у тайники лісів,
В вир пристрастей, в огонь, що ввік не стине,
І в заколот небесних поясів.*

[Франко, III, 188]

*В мир грязи и красы, в простор пустыни,
В оковы **чар** и в тайники лесов,
В угар страстей, в извечный жар гордыни,
В круговращение иных миров.*

[Погребенник, I, 137]

В данном стихотворении переводчик заменяет слово *злуди* на *чары*, сохраняя стилевую окраску и отношение по смыслу к потустороннему миру, но размывает конкретное значение слова *злуда*, оставляя лишь ту часть, которая относится к ирреальному.

Расширение узкого, конкретного значения до общего является довольно распространенным приемом при переводе.

І з стогоном глухим, несвітським, в мурах

*Тюремних віс щось, мов **легіт** в полю:*

«Се муки й кров за світло, поступ, волю!»

[Франко, I, 171]

Лишь стон глухой в тюремной мертвой глыбе,

*Как **ветер** в поле, мчит от свода к своду:*

«Мученья те – за свет и за свободу!»

[Погребенник, I, 94]

Лексема *легіт* уже в своем корне содержит значение 'легкого ветерка', в переводе отражена общим словом *ветер*.

Эмоционально-экспрессивные оттенки значения также при переводе иногда утрачиваются, если переводчик заменяет слово стилистически нейтральным.

Усе я бистро виджу,

*Все оплюю, все **збриджу**,*

Все сквашу, все розстрою,

Всіх гіркістю напою.

[Франко, III, 362]

Я тотчас все увижу,

*Все оплюю, **унижу**,*

Все сквашу, все расстрою,

Все горечью омою.

[Погребенник, I, 237]

Экспрессивно окрашенный диалектизм *збридити* переводчик восстанавливает в оригинале как нейтральное *унижу*, сохраняя значение испорченности, но не привнося в переводной текст ту часть значения, которая связана с чувством отвращения, омерзения.

*Та в серці, хоч і як недолею прибитім,
Надія кращая жиє –
Так часто під скали тяжезної гранітом
Нора холодна б'є.*

[Франко, I, 61]

*И все-таки в душе, изнывшей от невзгоды,
Надежда теплится, горда, –
Вот так из-под скалы, из-под крутого свода
Бьет чистая вода.*

[Погребенник, I, 61]

В данном примере значение диалектной лексемы *нора* более узкое, чем значение сочетания *чистая вода*, так как смысл, связанный с 'источником' восстанавливается в переводе лишь из контекста, в то время как в оригинале это значение заложено в самом слове.

Между тем мы выделили две базовые для лирики Франко лексемы, которые встречаются во многих произведениях, при этом в зависимости от контекста переводчики по-разному подходят к их переводу.

Первая лексема – *хата*. В определенных случаях переводчики сохраняют это слово в том виде, в котором оно представлено в украинском тексте:

*Докіль ще недосяглим ідеалом
Для мільонів ситість, тепла хата, –
Докіль на лицях сльози, ніби ралом...*

[Франко, I, 49]

*Покамест золотая небылица
Для миллионов – топленая хата,
Покамест слезы бороздят нам лица...*

[Погребенник, I, 49]

Но в некоторых стихотворениях переводчик в русском тексте использует более близкое русской картине мира читателя слово *изба*, совершенно меняя колорит:

*Голос духа чути скрізь:
По курних хатах мужицьких,
По верстатах ремісницьких,
По місцях недолі й сліз.*

[Франко, I, 22]

*Голос духа слышен всем:
В избах, к нищите привычных,
В тесноте станков фабричных,
Всюду, где тоска и темь.*

[Погребенник, I, 23]

Похожая ситуация происходит со словом *пан*, также неотъемлемо принадлежащим украинской культуре, как и слово *хата*. Так, в некоторых стихотворениях переводчики оставляли данное слово, не адаптируя для русского читателя:

*Ти, брате, любиш Русь,
За те, що гарно вбрана, –*

*Я ж не люблю, як раб
Не любить свого пана.*

[Франко, II, 184]

*Ты, братец, любишь Русь
За поступь, стройность стана, –
Я ж не люблю, как раб
Не любит плети пана.*

[Погребенник, I, 133]

Но в некоторых стихотворениях данная лексическая единица переводится словами с другими корнями, в которых сохраняется значение власти, привилегированности, богатства:

*І пісня лунає
Від краю до краю:
Тут пана немає,
Немає й рабів!*

[Франко, I, 45]

*И в песне едины
Поля и долины:
Здесь нет господина,
Нет рабства кругом!*

[Погребенник, I, 45]

В данном случае в качестве слова с противоположным значением лексеме *рабство* используется слово *господин*, то есть противопоставляется *раб* – как человек, не имеющий прав, и *господин* – как тот, у кого есть право распоряжаться жизнью другого.

*Байдуже те йому, що для добра чужого
Він піт кровавий лє,
Байдуже те йому, що потом труду свого
Панам пановання дає.*

[Франко, I, 61]

*И что ему с того, что над чужою нивой
Он пот кровавый льет,
И что ему с того, что, страдник терпеливый,
Он власть хозяевам дает?*

[Погребенник, I, 61]

В данном четверостишии слово *пан* трактується как человек, который наделен властью и который чем-либо владеет, о чем можно судить по лексемам *власть* и *хозяева*, использованных при переводе однокоренных слов *пани* и *пановання*.

Также в русской картине мира такое понятие, как *пан* соотносится с понятием *барин*, что породило такое же соответствие при переводе:

*Йосифінський наказ панщизняний,
Прадідівський квіт на тридцять буків,
Діда скарга за ґрунтець забраний,
Батьків акт ліцитаційний драний, –
Ось весь спадок, що лишивсь для внуків.*

[Франко, II, 244]

*Да указ о барищине проклятой,
Роспись прадеда на тридцать палок,
Деда жалоба за клин изъятый,*

*Акт отца лицитацийный мятый, –
Вот и все, что правнукам осталось.*

[Погребенник, I, 158]

Подобным образом переводят и с уменьшительно-ласкательную форму данного слова, которая называет ребенка:

*В труні тихо спить Іван,
Не бажає більше нич:
В ручці має галаган –
Той, що дав йому панич.*

[Франко, I, 180]

*Крепко спит в гробу Іван,
Меж навек скрещенных рук
Держит медный галаган –
Тот, что дал ему барчук...*

[Погребенник, I, 100]

Наименее распространенным способом перевода национально маркированной лексики в поэзии Ивана Франко является использование слов, близких фонетически, но не совсем близких семантически, или же совершенно различных по смыслу, но сохраняющих ритмический рисунок.

К первому случаю, когда значение восстанавливается лишь в некоторой степени, относятся, например, такие строчки:

*Вона магнет посеред моря,
Найвищий скарб, безцінний дар,
Огнище тепле в студінь горя,
Холодна тінь під страстей сквар.*

[Франко, II, 193]

*Она – магнит в пространствах моря,
Чудесный клад, бесценный дар,
Она согреет в стуже горя
И охладит страстей **пожар**.*

[Погребенник, I, 139]

В данном случае диалектизм *сквар* не обязательно было переводить дословно, слово *пожар* достаточно отражает смысл, который был заложен автором. Таким же образом, сохраняя общее значение, переведено и слово *верем'я*:

*Дрімливо в поле йде орач –
Ще ж **верем'я** не скоре –
І звільна під озимину
пухкую землю оре.*

[Франко, III, 43]

*Оратай тщетно гонит сон,
ладонью гладит темя.
Под озимь землю пашет он,
хотя еще не **время**.*

[Погребенник, I, 192]

В данном случае переводчику удалось передать значение несвоевременности действия, не прибегая к тому, чтобы объяснять смысл диалектизма *верем'я*.

Таким образом, при переводе каждый автор рассматривает текст как нечто уникальное и особенное, подбирая при этом те средства перевода

национально-маркированной лексики, какие считает необходимым и уместным применить. Так, зачастую безэквивалентную лексику, в частности, которая касается исторических реалий, передают без изменений и делают лишь сноски для русских читателей, или же смысл приходится восстанавливать из контекста. Также в некоторых случаях лексемы с национально-маркированным компонентом значения передают через слова со схожей стилистической окраской, или же нейтральную лексику, а также, если это свойственно стилю конкретного переводчика, с помощью лексики высокого стиля. Наиболее редким способом перевода национально-маркированной лексики является подбор фонетически схожего слова, отражающего лишь общее значение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Национально-маркированную лексику принято трактовать как такие слова, которые содержат национально-специфические элементы значения. Анализ научных работ по проблемам, связанным с переводом данной категории лексики, позволил классифицировать материал на три группы в связи с тем, какое место данная категория слов занимает в национальной картине мира украинцев и какое отражение находит в сознании читателей, обладающих русской ментальностью (фоновая, коннотативная, безэквивалентная).

Наибольшее внимание мы уделили изучению проблеме перевода безэквивалентной лексики, которая представляет наибольшую трудность для авторов, адаптирующих текст для читателя, языковая картина мира которого отличается от языковой картины мира поэта, создавшего оригинальный текст. В работах таких исследователей, занимающихся переводоведением, как А.В. Федоров, В.Н. Комиссаров, С. Влахов и С. Флорин, представлена точка зрения, согласно которой, чтобы не исказить речевую характеристику героя, связанного с национальной культурой, определенной исторической эпохой, социальным положением, необходимо использовать стилистически окрашенную лексику (например, просторечия), либо особенные синтаксические конструкции, которые дадут читателю понять, что в данном случае используется нелитературный элемент, который позволяет характеризовать персонажа определенным образом. Также возможно использование сносок и примечаний, которые бы раскрывали те детали в образе, которые не удастся передать с помощью перевода.

Разделив национально-маркированную лексику в лирике Ивана Франко на 9 тематических групп:

- быт;
- кухня;
- одежда;
- музыкальные инструменты;

- нечистая сила;
- природа;
- борьба;
- история;
- эмоции.

Выделение данных тематических групп помогло обозначить круг рассмотрения материала, так как лексика, номинирующая предметы и явления из данных сфер жизни народа, относится к национально-маркированной, в ней наиболее ярко представлена картина мира украинцев.

После анализа национально-маркированных лексем мы обратили внимание конкретно на способы, которые использовали переводчики при адаптации текстов Ивана Франко для русского читателя. Наиболее продуктивным способом передачи безэквивалентной лексики, связанной с историческими реалиями, оказалась передача без изменений, снабженная сносками с комментариями, либо же смысл таких слов восстанавливается из контекста. Кроме этого, в некоторых случаях лексемы с национально-маркированным компонентом значения переводчик представлял через слова со схожей стилистической окраской, или же нейтральную лексику, сохраняющую лишь общий смысл, но упускающей дополнительные оттенки значения. Если особенностью идиостиля переводчика было использование лексики высокого стиля, то таким способом также удавалось передавать значение безэквивалентной лексики. Наиболее редким способом перевода национально-маркированной лексики является подбор фонетически схожего слова, что скорее служит сохранению ритмического рисунка, чем передаче смысла и пафоса стихотворения.

Данная проблема имеет перспективы развития, так как мы обращали особенное внимание на безэквивалентную, в частности – диалектную, лексику, а лирика Ивана Франко насыщена и другими словами с национально-культурным компонентом значения, которые также было бы важно осветить в научных работах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Алексеев М.Л. О влиянии вида реалий на выбор переводческих приемов // Известия Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. – 2009. – №89. – С. 184-191.
2. Алефиренко Н.Ф., Чумак-Жунь И.И. Русинский мир в поэтическом дискурсе Ивана Франко // Русин. – 2017. - №2 (48). – С. 13-30.
3. Бархударов Л.С. Язык и перевод. – Москва: Международные отношения, 1975. – 240 с.
4. Бельчиков Ю.А. О культурном коннотативном компоненте лексики // Язык: система и функционирование: сборник научных трудов. – Москва: Наука, 1988. – С. 30-35.
5. Брагина А.А. Лексика языка и культура страны. – Москва: Русский язык, 1986. – 152 с.
6. Вайсбурд М.Л. Реалии как элемент страноведения // Русский язык за рубежом. – 1972. – №3. – С. 98-100.
7. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А.Д. Шмелева. – Москва: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
8. Верещагин Е.М. Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. – Москва: Русский язык, 1980. – 320 с.
9. Верещагин Е.М. Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – Москва: Русский язык, 1990. – 246 с.
10. Верещагин Е.М. Костомаров В.Г. Язык и культура: Три лингвострановедческих концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. Раздел I. Аспект статики: язык как носитель и источник национально-культурной информации. – Москва-Берлин: Директ-Медиа, 2014. – 509 с.

11. Виноградов В.С. Перевод: Общие и лексические вопросы. – Москва: Книжный дом Университет, 2004. – 235 с.
12. Влахов С.И. Флорин, С.П. Непереваемое в переводе. – Москва: Высшая школа, 1986. – 416 с.
13. Грещук В.В. Гуцульський діалект у мові сучасної української літератури // Вісник Прикарпатського національного університету. – 2012. – Випуск XXXII-XXXIII. – С. 214-219.
14. Грещук В.В. Роль Івана Франка у формуванні єдиної української літературної мови // Вісник наукового товариства ім. Т.Г. Шевченка. – Івано-Франківськ, 2007. – С. 29-37.
15. Денисова Г.В. Проблемы переводимости культурологически обусловленной лексики (в переводе с русского на итальянский язык): автореф. дис. канд. филол. наук. – Москва, 1998. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/problemy-perevodimosti-kulturologicheski-obuslovennoi-leksiki-v-s-rus-na-ital-yaz>
16. Иванов А.О. Безэквивалентная лексика. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2006. – 200 с.
17. Иванова С.В. Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц: автореф. дис. д-ра филол. наук. – Уфа, 2003. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/lingvokulturologicheskiy-aspekt-issledovaniya-yazykovyh-edinit>
18. Ильченко А.В. Культурно-маркированная лексика и способы ее перевода // Энергия науки: сборник VI Международной научно-практической Интернет-конференции студентов и аспирантов. – 2016. – С. 721-725.
19. Калениченко Н.Л. Украинская литература (на рубеже XIX-XX веков) // История всемирной литературы: в 9 т. Москва: Наука, 1994. – Т. 8. – С. 123-133.
20. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – Москва: Едиториал УРСС, 2003. – 264 с.

21. Комарова Л.И. Культурологическая маркированность лексических единиц в тексте // Вестник ТГУ. – 2010. – №1. – С. 181-187.
22. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – Москва: ЧеРо, 2003. – 349 с.
23. Крюков А.Н. Фоновые знания и языковая коммуникация // Этнопсихолингвистика / отв. ред. Ю.А. Сорокин. – 1988. – С. 19-34.
24. Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Культура и текст. Введение в лакунологию. – Москва: ГЭОТАР-Медиа, 2010. – 144 с.
25. Матвіяс І.Г. Відображення особливостей говорів у мові української художньої літератури // Мовознавство. – 2008. – №6. – С. 3-12.
26. Матвіяс І.Г. Українська літературна мова і територіальні діалекти в їх взаємодії на різних історичних етапах // Українська літературна мова в її взаємодії з територіальними діалектами. – Київ: Наукова думка, 1977. – С. 5-31.
27. Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. – Москва: Московский лицей, 1996. – 208 с.
28. Мойсеєнко В. Про походження звертання «пан» // Український науковий журнал «ОСВІТА РЕГІОНУ»; гол. ред. В.М. Бебик. – Київ, 2016. – №4. – Режим доступа: <http://social-science.com.ua/article/371>
29. Нехорошева М.В. Перевод поэтического произведения // Вестник магистратуры. – 2013. – №6. – С. 135-137.
30. Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. – Москва: Наука, 1968. – 376 с.
31. Райхштейн А.Д. Национально-культурный аспект интеркоммуникации // Иностранные языки в школе. – 1986. – №5. – С. 10-14.
32. Сербенська О.А. Мовний світ Івана Франко (Статті, роздуми, матеріали). – Львів: Видавничий центр ЛНУ ім. І. Франка, 2006. – 372 с.
33. Скупейко Л.І. І.Я. Франко про творчу індивідуальність письменника. – Київ: Наукова думка, 1986. – 136 с.

- 34.Сукаленко Т.М. Концепт «пан» у творчості Т. Г. Шевченка // Вісник Черкаського університету. – 2014. – №27. – С. 58-63.
- 35.Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – Москва: Наука, 1986. – 141 с.
- 36.Томахин Г.Д. Америка через американизмы. – Москва: Высшая школа, 1982. – 256 с.
- 37.Томахин Г.Д. Лексика с культурным компонентом значения // Иностранные языки в школе. – 1980. – №6. – С. 47-50.
- 38.Томахин Г.Д. Лингвострановедение: что это такое? // Иностранные языки в школе. – 1996. – №6. – С. 22-27.
- 39.Томахин Г.Д. Реалии в языке и культуре // Иностранные языки в школе. – 1997. – № 3. – С. 13-16.
- 40.Томахин Г.Д. Фоновые знания как основной предмет лингвострановедения // Иностранные языки в школе. – 1980. – №4. – С. 84-87.
- 41.Українська літературна мова в її взаємодії з територіальними діалектами: Зб. наук. праць. – Київ: Наукова думка, 1977. – 201 с.
- 42.Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. – Москва: Языки славянской культуры, 2003. – 224 с.
- 43.Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). – Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ; Москва: ООО Издательский Дом ФИЛОЛОГИЯ ТРИ, 2002. – 416 с.
- 44.Франко З.Т. Курс історії української літературної мови. Вип. X. Мова творів І. Франка. – Київ: Радянська школа, 1958. – 60 с.
- 45.Чашин В.А. Фоновые знания и лексика с национально-культурной семантикой // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – № 1 (2). – С. 393-398.
- 46.Чебанюк О.Ю. Українські народні вірування і перекази про блукання: семантика, прагматика, функції // Слов'янський світ. – № 13. – 2014. – № 13. – С. 20-32.

47. Чуковский К.И. Высокое искусство. – Москва: Художественная литература 1941. – 256 с.
48. Яшина М.Г. Анализ и систематизация культурно-маркированной лексики (на материале итальянского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2009. – 20 с.
49. Яшина М.Г. Приемы и методы исследования культурно-маркированной лексики // Rivista Telematica del Dipartimento di Linguistica dell'Università di Pisa. – 2009. – № 7. – С. 45-76.

Словари и энциклопедии

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – Москва: Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – Санкт-Петербург: «Норинт», 2000. – 1536 с.
3. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. – Москва: Советская энциклопедия, 1993. – 1632 с.
4. Великий тлумачний словник сучасної української мови (з дод. і допов.) / Уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. – Київ; Ірпінь : ВТФ «Перун», 2005. – 1728 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. – Москва: Русский язык, 1978-1980.
6. Жайворонок В.В. Знаки української етнокультури: Словник-довідник. – Київ: Довіра, 2006. – 703 с.
7. Русско-украинский, украинско-русский словарь. – 7-е изд., доп. и перераб. – Киев: А.С.К., 1998. – 560 с.
8. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Флинта: Наука, 2006. – 696 с.

Художественные тексты

1. Франко И. Собрание сочинений. В 3-х т. Т. 1. Стихотворения и поэмы: Пер. с укр. / Сост., вступ. статья и коммент. Ф. Погребенника. – Москва: Худож. лит., 1990. – 511 с.
2. Франко І. Зібрання творів у п'ятидесяти томах. Художні твори. Томи 1-25. Т. 1. Поезія. – Київ: Наукова думка, 1976. – 502 с.